

УДК: 159.9.07

ИНСТРУМЕНТАЛЬНЫЕ МЕТОДИКИ ВЫЯВЛЕНИЕ ФЕНОМЕНА ОТРАЖЕННОЙ СУБЪЕКТНОСТИ КАК ФАКТОРА ПОСТРОЕНИЯ СЦЕНАРИЕВ МЕЖЛИЧНОСТНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Огнев А.С.

Финансовый университет при Правительстве РФ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных по государственному заданию Финансового университета в рамках бюджетного финансирования

Аннотация

В статье сообщается об эмпирически установленной статистически значимой связи эмоциональных реакций на символические появления родительских фигур с тем, как большинство респондентов реагирует на иные варианты проявления чьей-либо власти в их повседневной практике. Показано, что чем больше различий обнаруживается между психофизиологическими реакциями на аутентичный выбор и на выбор в присутствии воображаемого родителя, тем вероятнее у таких испытуемых проявление интенсивных реакций на разного рода ограничения. В этом случае также обнаруживается большая склонность к непрагматическому выбору в пользу протестного и рискованного поведения. Обнаружено, что особенности реагирования испытуемых на демонстрацию власти собственными родителями сходны с теми автоматизмами, которые как в плане эмоционального отклика, так и в плане рационального объяснения своих действий, проявляются у них и в настоящем. Также выявлено, что подобная закономерность прослеживается и в отношении того, как сами испытуемые склонны оценивать свои жизненные перспективы, и того, что они в отношении планирования будущего рекомендуют делать и другим людям из своего окружения.

Ключевые слова

Инструментальная психодиагностика, ценности личности, персональные предпочтения, регистраторы психофизиологических реакций.

Введение

В организационной психологии и психологии управления, политологии, при принятии кадровых решений, в ходе оптимизации взаимодействия в различных социальных группах постоянно возникают вопросы, касающиеся индивидуальных регуляторов всего того, что происходит на уровне «ведущий» – «ведомый», «начальник» – «подчиненный», «властвующий» – «повиновующийся». По-видимому, часто подобного рода взаимоотношения строятся индивидом с опорой на уже сформировавшиеся ранее шаблоны или образцы поведения. В этом случае у него должны были заранее – как правило, в детско-подростковый период – сформироваться соответствующие когнитивные схемы, с помощью которых выявляется сам факт наличия властной фигуры в данной конкретной ситуации и намечается оптимальный способ реагирования на ее присутствие.

В описываемом ниже исследовании мы исходили как из первоначальной гипотезы из предположения о том, что паттерны «власть-подчинение» активно формируются уже в детские годы жизни человека в ходе его взаимодействия с такими первыми персонифицированными носи-

телями властных функций, как его родители. Мы полагаем, что мать и отец или те люди, которые выполняют их функции в семье, в значительной степени задают прототипные формы, прообразы эталонного поведения тех, кто облечен властью. Такие своего рода прообразы властных фигур в немалой степени определяют характер реагирования индивида в более поздние периоды его жизни, когда он сталкивается с различными проявлениями феномена власти.

В качестве теоретико-методологического основания проведенного исследования использовалась разработанная В.А. Петровским теория отраженной субъектности, согласно которой образ значимого другого выстраивается нами вокруг определенного смыслового и силового полюса, отражающего приписываемые такой личности намерения и ожидания, побуждения и причины его активности. В проведенном исследовании в качестве подобного рода отраженных субъектов рассматривались упоминания о матери и об отце каждого респондента. При этом в расчет принималось обязательное присутствие именно их образов среди референтных для личности персон из числа оказывающих с раннего возраста наиболее существенное влияние на содержательное наполнение паттерна «власть-подчинение».

С учетом выполненных ранее исследований была выдвинута гипотеза, согласно которой наличие в поле ясного сознания человека действительных образов родителей, выполняющих роль отраженных субъектов как прототипов персон, облеченных властью, должно сказываться на характере инструментально регистрируемых физиологических реакций тестируемого [1-30]. Также предполагалось, что заданные подобным образом когнитивные схемы и связанные с ними аффективно заряженные комплексы в дальнейшем могут играть роль существенных факторов в выстраивании взаимоотношений, предполагающих определенную властную иерархию между тестируемым и его окружением.

Методика проведения эксперимента

Для проверки указанной выше гипотезы была подготовлена следующая серия визуальных стимулов, символизирующих следующий ряд типичных и хорошо знакомых для большинства людей ситуаций, а также стимулы, которые ранее с успехом использовались как валидные средства для выявления когнитивно-аффективных регуляторов поведения респондентов, их ценностных предпочтений и актуальных установок:

- стимул № 1 – расположенная в центре ламинированного листа формата А5 фраза «хорошее будущее», которую окружают размещенные по углам листа составляющие четырехполюсный семантический дифференциал слова «реальность», «фантазии», «да», «нет»;

- стимул № 2 – изображенные на ламинированном листе формата А5 силуэты приближающихся к финишной ленте трех бегунов с надписью над ними «Где Вы?»;

- стимул № 3 – изображенные на ламинированном листе формата А5 силуэты приближающихся к финишной ленте трех бегунов с надписью над ними «на глазах у мамы»;

- стимул № 4 – изображенные на ламинированном листе формата А5 силуэты приближающихся к финишной ленте трех бегунов с надписью над ними «на глазах у папы»;

- стимул № 5 – нанесенное на лист формата А5 и заламинированное изображение крутого обрыва со стоящим на его краю человеком над бушующим далеко внизу морем;

- стимул № 6 – расположенная в центре ламинированного листа формата А5 фраза «интереснее», которую окружают размещенные по углам листа составляющие четырехполюсный семантический дифференциал слова «люди», «планы», «идеи», «дела»;

- стимул № 7 – ламинированный лист формата А5 с надписью «Кто из них Вы?» над контурными фигурами трех человек, среди которых правый стремится поднять расположенного в центре упавшего человека, а левый явно старается отстраниться от всего происходящего и демонстративно показывает свою готовность удалиться с места падения того, что в центре;

- стимул № 8 – ламинированный лист формата А5 с надписью «на глазах у мамы» над теми же контурными изображениями трех человек, среди которых правый стремится поднять рас-

положенного в центре упавшего человека, а левый явно старается отстраниться от всего происходящего и демонстративно показывает свою готовность удалиться с места падения того, что в центре;

- стимул № 9 – ламинированный лист формата А5 с надписью «на глазах у папы» над теми же контурными изображениями трех человек, среди которых правый стремится поднять расположенного в центре упавшего человека, а левый явно старается отстраниться от всего происходящего и демонстративно показывает свою готовность удалиться с места падения того, что в центре;

- стимул № 10 – расположенная в центре ламинированного листа формата А5 фраза «надо работать», которую окружают размещенные по углам листа составляющие четырехполосный семантический дифференциал слова «быстро», «эффективно», «без ошибок», «тщательно»;

- стимул № 11 – ламинированный лист формата А5 с надписью «я за этих», под которой изображены стоящие друг напротив друга ряд готовых к решительным действиям по наведению порядка полицейских в защитной экипировке и ряд негодующих демонстрантов;

- стимул № 12 – ламинированный лист формата А5 с надписью «Где вы?» над контурными изображениями взрослого человека и стоящего рядом с ним у дверного проема в комнату бьющего в барабан ребенка;

- стимул № 13 – ламинированный лист формата А5 с надписью: «Это папа. Мама спит» над контурными изображениями взрослого человека, а также стоящего рядом с ним у дверного проема в комнату и бьющего в барабан ребенка;

- стимул № 14 – ламинированный лист формата А5 с надписью: «Это мама. Папа спит» над контурными изображениями взрослого человека, а также стоящего рядом с ним у дверного проема в комнату и бьющего в барабан ребенка;

- стимул № 15 – ламинированный лист формата А5 с надписью «за черту нельзя!», под которым нарисован отрезок красного цвета;

- стимул № 16 – надпись на ламинированном листе А5 «Где вы?» над хоккеистами, среди которых есть нападающий, защитники и вратарь;

- стимул № 17 – надпись на ламинированном листе А5 «на глазах у мамы» над хоккеистами, среди которых есть нападающий, защитники и вратарь;

- стимул № 18 – надпись на ламинированном листе А5 «на глазах у папы» над хоккеистами, среди которых есть нападающий, защитники и вратарь;

- стимул № 19 – ламинированный лист формата А5 с надписью «это – Я!», под которым размещены геометрические фигуры из теста Сьюзан Деллингер;

- стимул № 20 – расположенная в центре ламинированного листа формата А5 фраза «хорошее настроение», которую окружают размещенные вдоль длинных сторон листа квадраты из восьмицветной таблицы теста Люшера.

В проведенном исследовании использовались компьютерные полиграфы Барьер-14 и КРИС. С их помощью производилась регистрация изменения характера и интенсивности электро-дермальной активности (ЭДА) респондентов, вызванных фокусировкой их внимания на описанных выше визуальных стимулах. В качестве основных показателей таких изменений ЭДА использовались длина линии временной развертки графиков кожно-гальванической реакции (КГР) респондентов и площадь под кривой графиков КГР на временных интервалах, в течение которых производилась экспозиция каждого из стимулов. Во всех экспериментах для каждого отдельного стимула это время составляло 15 секунд.

После предъявления всех стимулов и регистрации вызванных ими изменений ЭДА с каждым испытуемым проводилась посттестовая беседа. Ему показывали результаты подсчета перчисленных выше параметров КГР, объясняли смысл каждого из таких параметров и просили высказать свои предположения о том, почему, по его мнению, эти изменения вызывал каждый из предъявлявшихся стимулов. Более детально методические особенности таких обсуждений представлены в работах [4-8, 14, 15, 18, 22-30].

Полученные численные характеристики в дальнейшем использовались для выявления неочевидных корреляционных связей между реакциями на различные визуальные стимулы. С этой целью применялась большая профессиональная версия статистического пакета STADIA – 8.0, позволяющая размещать в матрице данных до 64 000 чисел. С его помощью строились матрицы ранговых корреляций между всеми измерившимися величинами. Затем методом главных компонент с их последующим варимакс вращением определялись скрытые факторы и оценивались факторные нагрузки каждой из использовавшихся переменных величин.

Полученные результаты и их обсуждение

В ходе проведения пилотной части исследования, в которой приняло участие 37 респондентов, было установлено, что для решения поставленной задачи можно без существенной для проверки заявленной гипотезы потери информации исключить из приведенного выше перечня стимулы № 6, 12-14, 16-18 и 20. Этот вывод был сделан с учетом наличия статистически значимых корреляционных связей стимулов 12-14 со стимулами 2-4. Но при этом оказалось, что в ходе послетестовой беседы стимулы 2-4 дают повод для более всестороннего анализа персональных предпочтений, жизненных сценариев и актуальных для респондентов в данный момент поведенческих установок. Аналогичным образом решался вопрос об исключении стимулов 16-18, показания инструментальной диагностики в отношении которых коррелировали с показаниями в отношении стимулов № 5, 11, 15 и 20. Решение об исключении стимулов № 6 и 20 также принималось с учетом низкой информативности той части послетестовых бесед, в ходе которых респондентов просили дать свои пояснения по поводу особенностей реагирования на их содержание.

После пилотажного исследования для окончательной части эксперимента были оставлены следующие визуальные стимулы:

- стимул № 1 – расположенная в центре ламинированного листа формата А5 фраза «хорошее будущее», которую окружают размещенные по углам листа составляющие четырехполюсный семантический дифференциал слова «реальность», «фантазии», «да», «нет»;
- стимул № 2 – изображенные на ламинированном листе формата А5 силуэты приближающихся к финишной ленте трех бегунов с надписью над ними «Где Вы?»;
- стимул № 3 – изображенные на ламинированном листе формата А5 силуэты приближающихся к финишной ленте трех бегунов с надписью над ними «на глазах у мамы»;
- стимул № 4 – изображенные на ламинированном листе формата А5 силуэты приближающихся к финишной ленте трех бегунов с надписью над ними «на глазах у папы»;
- стимул № 5 – нанесенное на лист формата А5 и заламинированное изображение крутого обрыва со стоящим на его краю человеком над бушующим далеко внизу морем;
- стимул № 6 – ламинированный лист формата А5 с надписью: «Кто из них Вы?» над контурными изображениями трех человек, среди которых правый стремится поднять расположенного в центре упавшего человека, а левый явно старается отстраниться от всего происходящего и демонстративно показывает свою готовность удалиться с места падения того, что в центре;
- стимул № 7 – ламинированный лист формата А5 с надписью «на глазах у мамы» над теми же контурными изображениями трех человек, среди которых правый стремится поднять расположенного в центре упавшего человека, а левый явно старается отстраниться от всего происходящего и демонстративно показывает свою готовность удалиться с места падения того, что в центре;
- стимул № 8 – ламинированный лист формата А5 с надписью «на глазах у папы» над теми же контурными изображениями трех человек, среди которых правый стремится поднять расположенного в центре упавшего человека, а левый явно старается отстраниться от всего происходящего и демонстративно показывает свою готовность удалиться с места падения того, что в центре;
- стимул № 9 – расположенная в центре ламинированного листа формата А5 фраза «надо работать», которую окружают размещенные по углам листа составляющие четырехполюсный семантический дифференциал слова «быстро», «эффективно», «без ошибок», «тщательно»;

- стимул №10 – ламинированный лист формата А5 с надписью «за черту нельзя!», под которой нарисован отрезок красного цвета;

- стимул № 11 – ламинированный лист формата А5 с надписью «я за этих», под которой изображены стоящие друг напротив друга ряд готовых к решительным действиям по наведению порядка полицейских в защитной экипировке и ряд негодующих демонстрантов;

- стимул № 12 – ламинированный лист формата А5 с надписью «это – Я!», под которым размещены геометрические фигуры из теста Сьюзан Деллингер.

В работе с указанным набором стимулов приняло участие 78 респондентов. Результаты регистрации их реакций на эти стимулы также были использованы для выявления корреляционных связей, построения матрицы ранговых корреляций между всеми измерявшимися величинами и определения методом главных компонент с их последующим варимакс вращением скрытых фактор и факторных нагрузок каждой из использовавшихся переменных величин, отражавших среднестатистические показатели реакций на указанные визуальные стимулы (Таблица 1).

Таблица 1 – Факторная структура корреляционных связей измерявшихся параметров электро-дермальной активности

№ стимула	Весовые нагрузки на фактор 1	Весовые нагрузки на фактор 2	Весовые нагрузки на фактор 3
1	-	+0,207	-0,756
2	-	-0,297	-0,759
3	-0,855	+0,205	-
4	-0,662	+0,406	-
5	-	+0,871	-
6	-	-0,702	-0,292
7	-0,758	-	-
8	-0,621	+0,246	+0,413
9	-	+0,794	-
10	-0,786	+0,367	-
11	-0,869	+0,323	-
12	-0,614	-	-0,492

Из приведенной таблицы следует, что наиболее выраженной тенденцией (фактор 1) является близкое по характеру реагирование на те стимулы, которые вызывали реакцию на появление упоминаний о родителях (стимулы № 3, 4, 7, 8), вводили определенные ограничения на возможные перемещения (стимул № 10) и предполагали символическое обозначение ассоциативной связи персоны испытуемого с определенной геометрической фигурой из теста Сьюзан Деллингер (стимул №12).

Примечательно, что чаще всего именно реагировавшие подобным образом испытуемые в своих послетестовых беседах объясняли такую реакцию сложными отношениями со своими родителями – особенно со своими отцами. Они часто упоминали об обидном для них игнорировании родителями того, что им как детям хотелось делать, чем заниматься, в чем участвовать. Часто именно от этой группы испытуемых можно было услышать упреки в адрес родителей по поводу неоправданного ограничения свободы и стремления родителей недооценивать их детские достижения. Нередко также звучали заявления о том, что этим испытуемым и сейчас все еще хочется доказать, продемонстрировать своим родителям, убедить их в своей состоятельности. Также важно отметить, что нечто подобное эта группа испытуемых время от времени замечает и теперь в отношении с теми людьми, которых они считают своими руководителями. Они полагают, что и теперь руководители их недооценивают, бывают к ним невнимательны, стремятся без особой нужды демонстрировать свою власть. При это далеко не всегда сами испытуемые могут привести конкретные примеры всего этого, ограничиваясь отговорками типа «Ну я же это чувствую» и т.п.

Далее по степени выраженности (фактор 2) следовали часто наблюдавшиеся сходные по своей направленности реакции на стимул с демонстрацией потенциально рискованной ситуации (стимул № 5) и реакции на упоминания о родителях (стимулы № 3, 4, 8), на упоминание о работе (стимул № 9), упоминание об ограничениях (стимул № 10), реакции на стимул с демонстрацией протеста (стимул № 11). Всему перечисленному чаще всего сопутствовало диаметрально противоположное реагирование на стимул с побуждением к самостоятельному самоопределению (стимул № 6).

При подобном сочетании реакций в послетестовых беседах часто упоминалось стремление к не всегда оправданному риску как к форме протеста против надуманных, как их описывали сами испытуемые, ограничений. По словам некоторых из них, в детстве им даже приходили голову суицидальные фантазии. В своей повседневной жизни они также отмечают определенную склонность к рискованным действиям, которую, по их словам, им приходится постоянно контролировать.

Следующей по степени выраженности (фактор 3) была тенденция к однотипному реагированию на стимулы, побуждающие к самоопределению в ситуации индивидуального соперничества и стимул, задающий ситуацию выбора наиболее подходящей ассоциации своей персоны с одной из геометрических фигур из теста Сьюзан Деллингер. Наиболее часто встречающимся аналогичным типом реагирования в этом случае было еще и то, что происходило при фиксации респондентами своего внимания на стимуле № 1, побуждавшем их оценивать характер своих представлений о собственном будущем.

В послетестовых беседах респондентов с описанным сочетанием реакций нередко звучали сомнения в отношении благополучного будущего. Высказывались даже предположения, что слишком смелые фантазии в отношении жизненного успеха могут как бы провоцировать неудачи. При этом, как правило, многие испытуемые из этой категории упоминали, что нечто подобное было свойственно и их родителям. Важно также отметить, что многие испытуемые теперь сами склоняются к подобной точке зрения.

Заключение

Подводя общие итоги, прежде всего следует отметить выявленную статистически значимую ассоциативную связь эмоциональных реакций на символические появления родительских фигур с тем, как большинство респондентов реагирует на иные варианты проявления чьей-либо власти.

Оказалось, что чем больше различия между психофизиологическими реакциями на аутентичный выбор и на выбор в присутствии воображаемого родителя, тем вероятнее у таких испытуемых проявление интенсивных реакций на разного рода ограничения. В этом случае также обнаруживается большая склонность к непрагматическому выбору в пользу протестного и рискованного поведения.

Кроме того, было обнаружено, что особенности реагирования испытуемых на демонстрацию власти собственными родителями сходны с теми автоматизмами, которые как в плане эмоционального отклика, так и в плане рационального объяснения своих действий, проявляются у них и в настоящем. Эта закономерность прослеживается и в отношении того, как сами испытуемые склонны оценивать свои жизненные перспективы, и того, что они в отношении планирования будущего рекомендуют делать и другим людям из своего окружения.

Библиография

1. Абдурахманов Р.А., Агапов В.С., Адамова Л.Е. и др. Проблемы и достижения современной стрессологии. – Москва, 2020.
2. Замолоцких Е.Г., Огнев А.С., Лихачева Э.В., Гончар С.Н., Кондратенко И.В. Компетентный подход к решению проблемы построения индивидуальных образовательных траекторий // Мир образования – образование в мире. 2014. № 4 (56). С. 159-164.

3. Зернов В.А., Козинцева П.А., Лихачева Э.В. и др. Применение компьютерного кардиометра «Кардиокод» в инженерной и социальной психологии // Высшее образование сегодня. 2019. № 3. С. 68-75.

4. Клюева Е.В., Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Огнев А.С., Огнева А.А., Огнева Н.А. Визуальное кинетическое моделирование как инструмент формирования универсальных компетенций // Человеческий капитал. 2022. № 7 (163). С. 155-161.

5. Лихачева Э.В., Николаева Л.П., Запесоцкая И.В. [и др.] Окулометрические показатели преобладания позитивных или негативных эмоциональных состояний // Человеческий капитал. 2020. № 9 (141). С. 188-199.

6. Николаева Л.П., Огнев А.С., Лихачева Э.В. [и др.] Применение окулометрии для определения интерактивных установок личности // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2020. Т. 9. № 2-1. С. 61-71.

7. Огнев А.С. Современные инструментальные методики выявления когнитивно-поведенческих паттернов духовно-нравственного развития личности // Человеческий капитал. 2023. № 11-1 (179). С. 168-178.

8. Огнев А.С., Лихачева Э.В. Валидность айтрекинга как инструмента психодиагностики // Успехи современного естествознания. 2015. № 1-8. С. 1311-1314.

9. Огнев А., Лихачева Э. Когда команда – не коллектив, а коллектив – не команда // Развитие личности. 2014. № 2. С. 173-179.

10. Огнев А.С., Лихачева Э.В. Проектирование индивидуальных образовательных траекторий студентов с позиции субъектогенетического подхода // В сборнике: Вопросы клинической психологии. Всероссийская научная Интернет-конференция с международным участием. Сервис виртуальных конференций Рах Grid ИП Синяев Дмитрий Николаевич. 2013. С. 59-65.

11. Огнев А.С., Лихачева Э.В. Приоритетные жизненные ценности современных студентов // В сборнике: Августовские педагогические чтения – 2014. Сборник материалов международной научной е-симпозиума. под ред. проф. И.В. Вагнер. 2014. С. 263-271.

12. Огнев А.С., Лихачева Э.В. Субъектогенез как основа управления процессом формирования и развития универсальных компетенций // Управление образованием: теория и практика. 2015. № 2 (18). С. 93-113.

13. Огнев А.С., Лихачева Э.В., Николаева Л.П. [и др.] Использование айтрекеров для диагностики социально-ролевых сценариев // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2020. № 2. С. 7-18.

14. Огнев А.С., Лихачева Э.В., Николаева Л.П. Окулометрические проявления ситуативных установок, когнитивных схем и жизненных сценариев как разноуровневых составляющих характера // Человеческий капитал. 2020. № 9 (141). С. 200-210.

15. Огнев А.С., Лихачева Э.В., Николаева Л.П. Особенности восприятия молодежью цифрового информационного контента // Человеческий капитал. 2019. № S12-2 (132). С. 510-515.

16. Огнев А.С., Лихачева Э.В., Сидоренко М.Г., Казаков К.А. Развитие субъектного потенциала личности как условие повышения конкурентоспособности студентов вуза // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. Т. 9. № 3-2. С. 181-184.

17. Огнев А.С., Лихачева Э.В., Сидоренко М.Г., Казаков К.А. Условия эффективного использования видеоконтента в «Жизненной навигации» // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2013. Т. 9. № 3-2. С. 181-184.

18. Огнев А.С., Петровский В.А., Лихачева Э.В. Окулометрические проявления психологических установок респондентов в отношении восприятия визуального контента // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек в современном мире. 2018. № 2. С. 41-48.

19. Розенова М.И., Огнев А.С., Лихачева Э.В., Екимова В.И. Методы оценки эффективности Sandplay-терапии для взрослых // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11. № 4. С. 61-72.

20. Розенова М.И., Огнев А.С., Екимова В.И., Кокурин А.В. Современные антистресс-технологии в профессиях экстремального и помогающего типа // Современная зарубежная психология. 2023. Т. 12. № 3. С. 19-30.
21. Склярова Н.Ю., Бродовская Е.В., Огнев А.С., Лукушин В.А. Эффекты и перспективы внедрения технологий искусственного интеллекта в российскую систему школьного образования // Преподаватель XXI век. 2023. № 3-1. С. 146-160.
22. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Yu., Kravchuk I.D., et al. Cardiometric assessment of visual stimuli to identify likely reactions to destructive network content // *Cardiometry*. 2023. № 29. С. 47-53.
23. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Y., Lukushin V.A., et al. The use of cardiometric and electrodermal activity indicators for the attestation of visual online content // *Cardiometry*. 2023. № 26. P. 122-126.
24. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A. Y., Zernov V.A., et al. Cardiometric assessment of the subjective significance of personal strategic goals as components of the image of the desired future // *Cardiometry*. 2022. № 24. P. 159-164.
25. Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Y., Zernov V.A., et al. Reverse techniques as a means of increasing the validity of the cardio-oculometric diagnostics // *Cardiometry*. 2021. № 18. С. 33-37.
26. Ognev A.S. New possibilities of combining multimodal game modeling and cardiometric detection in instrumental cognitive science. // *Cardiometry*. 2023. № 28. P. 13-18.
27. Ognev A.S. The use of visual stimuli in combination with measured cardiometric and galvanic skin reactions to identify the hierarchy of moral and ethical regulators in individual's social behavior // *Cardiometry*. 2024. № 30. P. 55-61.
28. Ognev A.S., Zernov V.A., Likhacheva E.V., et al. Use of cardiometry and oculography in concealed information detection // *Cardiometry*. 2019. № 14. С. 87-95.
29. Zernov V.A., Lobanova E.V., Likhacheva E.V., et al. Cardiometric support of visual kinetic modeling. // *Cardiometry*. 2022. № 23. P. 41-5.
30. Zernov V.A., Lobanova E.V., Likhacheva E.V., et al. The use of Cardiometry in development self-control skills by means of game sand modeling. // *Cardiometry*. 2022. № 22. P. 95-99.

MODERN INSTRUMENTAL METHODS OF IDENTIFICATION OF COGNITIVE-BEHAVIORAL PATTERNS OF SPIRITUAL AND MORAL DEVELOPMENT OF PERSONALITY

Ognev A.S.

Financial University under the Government of the Russian Federation

The article was prepared based on the results of research carried out on a state assignment from the Financial University within the framework of budget funding

Abstract

The article reports on an empirically established statistically significant relationship between emotional reactions to symbolic appearances of parental figures and how the majority of respondents react to other forms of someone else's authority in their everyday practice. It is shown that the more differences are found between psychophysiological reactions to authentic choice and choice in the presence of an imaginary parent, the more likely such subjects are to exhibit intense reactions to various restrictions. In this case, there is also a greater tendency towards non-pragmatic choices in favor of protest and risky behavior. It has been found that the features of the subjects' reactions to the demonstration of authority by their own parents are similar to the automatism that manifests in them both in terms of emotional

response and in terms of rational explanation of their actions in the present. It has also been revealed that a similar pattern is traced in how the subjects are inclined to assess their life prospects and in what they recommend to other people in their environment in terms of future planning.

Key words

Instrumental psychodiagnostics, personal values, individual preferences, psychophysiological reaction recorders.